

ПРИДНІПРОВСКІЯ АРТЕЛИ.

I.

Въ ряду явленій несложной жизни села и деревни, этой *соломенной* Россіи, артель занимает видное мѣсто.

Интересъ изученія той своеобразной организаціи работъ, „которыя, говоря языкомъ нашего закона, силамъ одного человѣка несоразмѣрны“ — несомнѣнъ особенно въ настоящее время.

Непосредственное изученіе южно-русской артели не всегда оправдываетъ выводы, порою подсказываемые литературой. Въ „Недѣлѣ“ (77 г. № 34—42 и слѣд.) помѣщены были очерки южно-русскихъ артелей г. Ф. Щ—на. Авторъ очевидно старался ознакомить читателя съ интереснымъ явленіемъ, которое онъ непосредственно, хотя и поверхностно, изучалъ: его статьи написаны живо, бойко и читаются легко. Но въ очеркахъ г. Ф. Щ—на немало и недостатковъ: противорѣчій и неправильныхъ выводовъ. Мнѣнія автора могутъ быть приняты: литература вопроса нищенски бѣдна. Вотъ почему мы, далекие отъ безцѣльнаго и задорнаго критиканства и полемики, рѣшили, однако, указать на неправильное освѣщеніе авторомъ главнаго предмета его очерковъ. Только послѣ этихъ замѣчаній, мы обратимся къ нашей прямой задачѣ.

Въ одномъ изъ очерковъ (Забродческі ватаги) г. Ф. Щ—нъ утверждаетъ, что артельное начало, хотя въ далеко не совершенной формѣ, легло въ основу хуторскаго хозяйства. Правда, въ ватагахъ этихъ „страннымъ образомъ соединены интересы капиталиста-предпринимателя и рабочих-артельныхъ“, но эта „странность“ не оставливаетъ автора. Утвержденіе автора о присутствіи артельнаго начала въ хуторскомъ хозяйствѣ просто неправильно. Незнакомый съ хозяйствомъ нашихъ „экономій“ (причудливое сло-

во это, конечно, непричомъ) не вѣсть что можетъ подумать объ отношеніяхъ въ нихъ работника къ хозяину. Но дѣйствительность безцеремонно отрезвляетъ отъ подобныхъ иллюзій. Судите сами. Крестьянское общество с. П. (александровск. уѣзда, екатер. губ.) наняло у владѣльца села поле, для выпаса скота и лошадей. Результаты этой сдѣлки у насъ передъ глазами. Договоръ таксируетъ плату за выпасъ каждаго животнаго, опредѣляетъ срокъ взноса этой платы, большая часть которой перекладывается на работы, съ установленными цѣнами. Если добавить обычное безцѣльное послѣсловіе контрактовъ о святости и ненарушимости ихъ, которое стоитъ здѣсь рядомъ съ весьма реальной неустойкой одной стороны (движимость крест.) то, казалось бы, договоръ этотъ можно считать полнымъ и законченнымъ. Но это только предположеніе. Впервые, договоръ однимъ изъ пунктовъ своихъ обязываетъ *всѣхъ* рабочихъ (у нѣкотор. можетъ и не быть скота) села П. не уходить въ сосѣднія имѣнія на заработки, а далѣе договоръ, интересующій насъ, гласитъ слѣдующее:

„Каждый изъ крест. с. П. какъ мужска такъ и женска пола, пойманный въ саду, терпикахъ и проч. независимо взысканія съ него по закону, сообразно сдѣланному ущербу, въ видѣ *особаго наказанія* долженъ быть посылаемъ на общественную работу *на одну недѣлю*. Той же *отвѣтственности* должны подвергнуться тѣ, которые будутъ выпускать скотъ и проч. на лиманъ, что у огорода и сада. Приступившіе безъ разрѣшенія къ условленнымъ въ договорѣ работамъ, кромѣ штрафа за ущербъ, если таковой будетъ, въ наказаніе высылаются на общ. работы *на двѣ недѣли*. Равно не дозволяется крестьян. с. П. заводить гульбища и вечерницы *не только на землѣ владѣльца*, но и вблизи

экономическаго двора. Виновные высылаются на общественную работу *на двѣ недѣли*“. Гдѣ же тутъ сколько-нибудь упорядоченныя отношенія работника-арендатора къ владѣльцу-хозяину. Нужда, злая нужда и полная безвыходность диктуютъ договоры и сдѣлки, которые вяжутъ крестьянина по рукамъ и ногамъ.

Приведенный примѣръ отношеній двухъ сторонъ деревенской жизни не единичный, хотя, конечно, онъ носитъ печать отталкивающей рельефности. А между тѣмъ, наперекоръ фактамъ, нашъ авторъ „главнѣйшую цѣль косарскихъ круговъ и артелей видитъ въ поддержкѣ заработной платы на известномъ уровнѣ и застраховкѣ рабочихъ отъ различнаго рода незаконныхъ поповленій со стороны хозяевъ“. Заключая и этотъ очеркъ г. Ф. Щ. дѣлаетъ немалую оговорку, говоря, что „косарь—Макаръ, на котораго всѣ шишки валятся“ и смотря на артель косарскую („кругомъ“ она и не называется: кличка союза косарей—„бурса“, „партія“) какъ на „утлую ладью среди бушующихъ экономическихъ безобразій“. Да и развѣ можно видѣть осуществленіе артельнаго начала въ косарскихъ бурсахъ только въ томъ, что косари изъ одной деревни или волости идутъ и ѣдутъ вмѣстѣ на заработки? Только насилуя факты идущей къ дѣлу беллетристической окраской можно видѣть въ старшихъ, по лѣтамъ, рабочихъ („дядькахъ“) — народъ, „громаду“. Старое „чумаство“, воспѣтое въ пѣсняхъ, доросшее до апогея и убитое новымъ экономическимъ строемъ и желѣзными дорогами, тоже можетъ натолкнуть на экономическія иллюзіи. И чумаки и косарь идутъ и ѣдутъ „гуртомъ“. Въ этомъ только кажущаяся общность цѣли и употребляемыхъ для достиженія ея средствъ. Чумаки отдѣльно беретъ хлѣбъ, шерсть, соль и проч. на свои 2—4 воза, платитъ за „попась“ своихъ воловъ, по-

лучаетъ изъ общей выручки свою часть. Развѣ въ общихъ „казанкахъ“ каши („пища готовится по очереди“ — поучаетъ авторъ) да въ очередномъ надзорѣ за волами сказывается артельное начало чумацкихъ валокъ.

Изъ того, что кругъ связываетъ малоруссовъ въ опредѣленный союзъ, не вытекаетъ заключенія о будто бы національной склонности ихъ къ союзной дѣятельности по преимуществу. Ни причомъ здѣсь ни благодатная южная природа, ни „пуризмъ“, свойственный южно-русскому поселянину. Трудно понять, что разумѣетъ авторъ подъ этимъ словомъ, на которомъ онъ такъ настаиваетъ. Вѣрнымъ будетъ констатированіе значительной устойчивости міровозрѣнія малорусса, его склонности къ традиціи, его консервативной симпатіи къ обряду. Знакомая съ обычнымъ малорусскимъ правомъ, выносишь подобное заключеніе. Но мы отказываемся прилагать этотъ горделивый терминъ къ руководящимъ правиламъ жизни, къ началамъ практической морали недавняго „крѣпака“ и человѣка безсознательной морали. Никто другой, какъ хохоль, человѣкъ себѣ на умѣ, сложилъ поговорку: „скажи враже, якъ панъ каже“. И теперь, когда на шеѣ крестьянина не сидитъ панъ, а паны, развѣ стимулы, сложившіе приведенную поговорку, исчезли? Какъ бы ни были естественны и велики наши симпатіи къ извѣстному народу или части его, наши сужденія объ немъ прежде всего должны быть вполне безпристрастными и правильными.

Изучая малорусскую артель, невозможно выходить изъ того положенія, что будто бы это явленіе вполне гармонируетъ съ характеромъ народа, а надо поступать на оборотъ. Сдѣлать такое заключеніе заставляютъ факты. Указаніе „многихъ“ на „индивидуализмъ малорусса“ далеко не безпочвенное утвержденіе, а обобщеніе, выведен-

ное изъ фактовъ. Кто близко стоитъ къ жизни южно-русской деревни, тотъ не разъ наталкивался на случаи легкомысленныхъ выдѣловъ сыновей и даже сына изъ семьи, передѣлы полей, безпомощность погорѣльцевъ и проч. Обособленность рабочихъ единицъ южно-русскаго села и деревни во многихъ случаяхъ вытекаетъ изъ нѣкотораго недовѣрія къ другому, изъ стремленія быть хозяиномъ, хотя бы это и было куплено цѣною разоренія собственнаго и семьи, изъ ничтожной цѣны, какую кладетъ нашъ поселанинъ за свой и чужой трудъ, который, по урокамъ горькаго опыта, не можетъ работника сдѣлать ни счастливымъ, ни даже сколько-нибудь обеспеченнымъ.

При такихъ условіяхъ малорусская артель является противорѣчіемъ характеру народа и служить только подтвержденіемъ весьма рѣзко выражающагося нерасположенія къ союзной дѣятельности среди малоруссовъ. Очень мало можно указать артелей на югѣ Россіи, въ которыхъ членами союза были бы исключительно малоруссы.

II.

Въ мѣстечкѣ Игрени (Огрень) князя Воронцова, находящемся по лѣвую сторону Днѣпра, при впаденіи въ него р. Самары, живетъ пришлое населеніе. Занимаются игренцы больше торговлею, извозомъ, незатѣйливыми ремеслами и проч. Благосостояніе ихъ только въ самой незначительной степени зависитъ отъ земледѣлія; главнымъ образомъ оно связано съ большой мѣстной пристанью, которая, получая лѣсъ сплавомъ изъ верховій Днѣпра, распиливая его на мѣстѣ, снабжаетъ имъ весь обширный южный и юго-восточный районъ безлѣсной степной екатеринославской губерніи. Въ Игрени издавна живетъ и дѣйствуетъ артель лодочниковъ въ 77 человѣкъ, имѣющихъ 13 дубовъ (днѣпровская трехъ

и четырехъ-весельная лодка). Игренскія лодки совершаютъ рейсы съ пассажирами въ Екатеринославъ и обратно, перевозятъ товары изъ Екатеринослава; иногда, въ мелководье, рялятся проводить части плотовъ къ лѣсной пристани. Такъ какъ эта пристань въ послѣдніе года значительно сократила свою дѣятельность, то главный заработокъ артель получаетъ отъ перевозки пассажировъ, багажа и товара. Между артельщиками мало малоруссовъ-крестьянъ, а болѣе мѣщанъ изъ разныхъ мѣстъ. Артельные порядки установились прочно въ игренской артели. При отправкѣ дубовъ наблюдается очередь и конкуренціи не бываетъ. Плата съ пассажировъ берется не одинаковая: ѣдущіе противъ теченія платятъ болѣе тѣхъ, которые возвращаются изъ Екатеринослава по теченію, зажиточные болѣе бѣдныхъ. Плата эта, колеблется отъ 10 к. до 1 р., 1 50 к. и выше, она зависитъ отъ времени года, состоянія Днѣпра и даже отъ времени дня; иногда въ тихій лѣтній вечеръ, чтобы подняться въ Екатеринославъ, надо заплатить дороже, такъ какъ лодочникамъ надо или заночевать въ городѣ или вернуться порожнемъ домой *).

Дѣлежъ выручки совершается въ равныхъ доляхъ между работниками-гребцами, хозяиномъ-рулевымъ и его дубомъ (лодкой). Такъ какъ дубъ не бываетъ пьянъ, что иногда случается съ его хозяиномъ, то, совершая рейсъ, онъ получаетъ свою долю. Болѣзнь хозяина и его лодки лишаютъ ихъ права на часть выручки. Такимъ образомъ хозяева участвуютъ въ артели имуществомъ и трудомъ; остальные члены артели — только трудомъ. Игренскіе лодочники сводятъ счоты обыкновенно по субботамъ, за

*) Чумаки и др. извозчики-малоруссы, возвращаясь, по волѣ какого-нибудь комерсанта, порожнемъ, „торохтиемъ“ домой, вчиняютъ искъ у мірового, носящій образную кличку жалобы „за торохтія“.

недѣлю, въ теченіе которой выручка записывается артельнымъ писаремъ. Дѣло не обходится иногда, правда очень рѣдко, безъ недоразумѣній, легко, впрочемъ, улаживаемыхъ. Контроль между артельщиками зоркій. Подденная плата каждаго члена этой нехитрой артели колеблется отъ 60 к. до рубля, рѣдко бываетъ выше этого. Артель отвѣчаетъ за случаи неблагополучной или неисправной доставки груза и багажа.

Игрень образовалась въ то время, когда населенность даже приднѣпровскихъ областей Новороссійскаго края была крайне слаба. Почти все населеніе Игрени должно быть признано долгосрочными арендаторами усадебныхъ угодій; между игренцами очень немного земельныхъ собственниковъ. Игренцы не пользуются замѣтнымъ благосостояніемъ. Игрень нерѣдко страдаетъ отъ наводненій, такъ какъ это мѣстечко расположено на песчаномъ и пологомъ берегу Днѣпра. Наводненіе 76-го года произвело опустошительныя разоренія въ Игрени. Размытыя стѣны хатъ-мазанокъ, затопленныя площади, погруженныя въ воду лавчонки попадались на каждомъ шагу. Бѣдучи на лодкѣ по Днѣпру, я видѣлъ хату, въ которой разрушенная стѣна открывала зрителю сцену незатѣйливаго чаепитія мѣщанской семьи... Паденіе игренской лѣсной пристани, которая вѣроятно возстановится, также значительно содѣйствовало обѣдненію игренцевъ.

III.

Въ с. Поповкѣ (Мануйловка), новомосковского уѣзда также живетъ артель лодочниковъ. Поповка расположена на лѣвомъ берегу Днѣпра, противъ Екатеринослава. Работаетъ артель въ то время, когда не бываетъ наведенъ еще мостъ черезъ Днѣпръ (сред. числа іюня) и когда онъ снимается (средн. чис. ноября).

Конкурируетъ съ артелью въ осеннее и весеннее время небольшой пароходъ общества пароходства по Днѣпру, имѣющій на буксирѣ баржу. От-

части конкурентами артели поповскихъ лодочниковъ являются такъ наз. „казенные (т. е. бесплатные) лощмана“. Поповцы (1,471 душ. обоого пола) прекратили обязательныя отношенія къ ихъ владѣльцамъ, поступивъ въ разрядъ крестьянъ-собственниковъ.

Поповская артель мало чѣмъ отличается отъ игренской. Хозяевъ лощмановъ въ Поповкѣ 15, которымъ и принадлежатъ 4-хъ веселныя лодки и 5-ти веселныя дубы. Дубъ поднимаетъ до 400 пуд., или 12 лошадей и 3 повозки, а лодка можетъ поднять до 100 п. груза, или 20 человѣкъ пассажировъ. Число членовъ артели доходитъ до 75; всѣ они малоруссы. Очередь дубовъ и лодокъ установлена недавно. Дѣлежъ выручки производится на тѣхъ же основаніяхъ, что и у игренцевъ, съ тою разницею, что въ поповской артели нѣтъ писаря и артельщики дѣлятъ выручку каждый день; дубъ или лодка всегда имѣютъ право на пай. Заработная плата выше игренской; она не всегда одинакова, и колеблется между 35 и 50 к., при конкуренціи парохода и между 1 р. и 5 р. въ остальное время. Поповскіе лощмана, извѣстные смѣльчаки, хорошо знающіе Днѣпръ, также рядятся проводить по льду чуть ставшей рѣки или передъ самымъ началомъ ледохода. Плата за подобную услугу берется, конечно, значительная, иногда до 10 р. Удальцы-артельщики умудряются провозить въ саняхъ по неокрѣпшему льду и товаръ, впрягаясь для этого въ сани, „самотужки“, какъ говорятъ они. Благосостояніе поповцевъ сносное, чему содѣйствуетъ желѣзная дорога и удобный сбытъ сельскихъ произведеній, преимущественно незатѣйливыхъ продуктовъ.

Слухъ о постройкѣ постоянного моста черезъ Днѣпръ у Екатеринослава принимаетъ достовѣрный характеръ и сооруженіе этаго моста будетъ имѣть роковое значеніе для жизни артели поповскихъ лодочниковъ.

Крайне несложная организація „рыбачьихъ ватагъ“ или рыболовныхъ артелей. Артели эти состоятъ не исключительно, но преимущественно изъ малоруссовъ. Хозяинъ, которому принадлежитъ „посуда“ т. е. сѣти, лодка и проч. и который ведетъ предпріятіе, получаетъ половину выручки отъ улова; другая дѣлится между рабочими. Хозяинъ, кромѣ капитала, участвуетъ въ артели и личнымъ трудомъ. Въ рѣкахъ, впадающихъ въ Днѣпръ и въ большихъ прудахъ ловли рыбы совершаются тѣми же ватагами. Двѣ трети, иногда половина трудовой рыбы поступаетъ собственнику пруда, а остальная рыба дѣлится разными долями между „дѣдомъ“ (это старикъ „рыбалка“ — хозяинъ, побывавшій и въ „забродѣ“) его „проволочкою“ (неводъ) и остальными членами товарищества.

Въ послѣднее время рыбный промыселъ становится все болѣе и болѣе предметомъ спекуляцій кулаковъ-мѣщанъ. Отсюда и видоизмѣненія въ „ватагахъ“. Кулакъ не ватажокъ, не старшій членъ артели, а промышленникъ, и пай рабочихъ урѣзывается по разнымъ поводамъ весьма значительно.

Говоря о приднѣпровскихъ артеляхъ, нельзя обойти молчаніемъ общины днѣпровскихъ лощмановъ, возникшей при Екатеринѣ II-й, въ интересахъ судохозяйства по Днѣпру.

На лощманской общинѣ слѣдуетъ остановиться потому, что устройство этой трудовой единицы союза покоится на артельныхъ началахъ и еще потому, что интересно наблюдать эти начала, въ ихъ своеобразномъ практическомъ осуществленіи.

Мысль о созданіи лощманской приднѣпровской общины относится ко времени извѣстнаго путешествія по Днѣпру императрицы, когда она лично наблюдала за переправой судовъ черезъ днѣпровскіе пороги. Царская флотилія проведена была черезъ опасный Нена-сытецкій порогъ опытною рукою ка-

менскаго жителя Полторацкаго, который при этомъ былъ произведенъ въ поручики и назначенъ первымъ атаманомъ образовавшейся общины. На скалистомъ мысѣ праваго берега вѣчно бушующаго, грознаго водопада до сихъ поръ сохранилось высѣченное изъ гранита блюдо, на которомъ, по преданію, великая императрица пила чай.

1787 г. 19 декабря, князь Потемкинъ-Таврическій приказалъ екатеринославской казенной палатѣ „исключить лощмановъ отъ всѣхъ повинностей и поставки рекрутъ и производить имъ въ годъ жалованья по 25 р.“. Но выдача этого жалованья прекратилась уже въ 1793 г., по окончаніи турецкой войны. Общинники-лощмана управлялись своимъ атаманомъ. Въ настоящее время ими завѣдуетъ начальникъ III отдѣленія 18 округа путей сообщенія. Съ 25 мая 1845 г. лощмана получаютъ 4 р. 30 к. за проводъ судна черезъ всѣ днѣпровскіе пороги (отъ Кодацкаго до Вильнаго включит.). Эти деньги поступаютъ въ общинную кассу, ключъ отъ которой въ рукахъ иженера начальника. Съ расчисткой Днѣпра отъ пороговъ, которая стоитъ казнѣ до 2 милліоновъ р. и не достигла своей цѣли надобность въ опытныхъ и смѣлыхъ лощманахъ не миновалась. Проводъ судовъ черезъ пороги совершается слѣдующимъ образомъ. Въ Лощманской-Каменкѣ атаманъ осматриваетъ суда, обращая особенное вниманіе на якоря, канаты, весла, а главное на руль („стерно“), опредѣляетъ ихъ осадку и назначаетъ лощмановъ. Къ молодому лощману дается въ помощь старый опытный товарищъ, котораго первый, по старому казацкому обычаю, зоветъ „батькомъ“. Судохозяинъ вноситъ деньги въ контору. Помолясь Богу, лощманъ всходитъ на судно и становится его капитаномъ. „Шамні друзі“, раздается его команда на баркѣ или на плоту, и судно сначала медленно движется, почти ползетъ къ Кодацкому порогу дальше и дальше. Проѣхавъ

Звонецкій порогъ, доносится гулъ свирѣпаго Ненасытца. Опасность приближается. Но вотъ судно подходитъ къ пасти водоворота. Къ стерну! командуетъ спокойно лощманъ, мѣтя попасть въ каналъ. Неуклюжій плотъ косо движется; его относить къ берегу. По каналу судно мчится съ страшной скоростью. За каналомъ уступы порога. Надо умѣрить ходъ судна и не натолкнуться на груды камней. Скрипя, какъ бы изгибаясь, мчится барка съ уступа на уступъ, повинуюсь изумительному искусству лощмана. Плотъ накреняется, наползаетъ на камни. Дикій ревъ порога мѣшаетъ командовать лощману; онъ отдаетъ приказанія жестами. Отбившіяся бревна плота разлетаются въ щепки. Жизнь всѣхъ въ искусствѣ рулевого и въ прочности громаднаго руля „стерна“...

Иногда лощманъ, доставившій судно къ мѣсту назначенія, возвращается домой, пѣшкомъ, съ пустыми руками. Въ Васильевкѣ я встрѣтилъ лощмана Андрея Марченко, который въ разное время спасъ *сто пятьдесятъ человекъ*.*) и единственной наградой котораго остается гордое сознаніе спасенныхъ жизней...

Управленіе начальника не способствуетъ развитію лощманской общины. Когда г. Афанасьевъ-Чурбинскій, авторъ прекраснаго труда о Днѣпрѣ, обратился къ этому начальнику инженеру за свѣдѣніями касательно общины, то канцелярія начальника отвѣтила ему отношеніемъ, гласившимъ, что „особаго положенія о лощманахъ, которое составляло бы сводъ ихъ правъ и обязанностей, отвѣтственности и порядка управленія ими — не существуетъ“. „Положеніе лощмановъ незавидное“ — таковы отзвѣтъ лицъ, близко ознакомившихся съ этимъ трудовымъ союзомъ. (Павловичъ, Матер. для геогр. и стат. Россіи, стр. 270 и слѣд.; Афанасьевъ, Поѣздки въ южн. Россію, стр. 63 и др.).

*) Подвиги этого, еще молодого, лощмана официально засвидѣтельствованы въ лубянскомъ вохостномъ правленіи.

Къ этому отзыву мы присоединяемся вполне. Бывшій начальникъ лощмановъ недавно переведенный, особенно безцеремонно, истинно по начальнически расправлялся съ ними. Суровыя и тяжелыя несправедливыя отношенія его къ „подданнымъ“ обострились настолько, что были констатированы на судѣ, конечно, какъ это всегда бываетъ, не по инициативѣ покорныхъ и терпѣливыхъ простолюдиновъ.

Лощмановъ въ Каменкѣ, Старомъ Кодакѣ, хуторахъ Сурскихъ и Шираганскихъ насчитывалось въ 1862 году 1,332 человѣка и земли за ними было 10,302 десят. Какою цифрою въ настоящее время опредѣляется простота населенія общины и ея населенія — я не могу сказать. Судя по значительности „общественныхъ“ расходовъ и почти полной устраненности лощмановъ отъ непосредственнаго пользованія тяжелымъ трудомъ добытыхъ грошей, можно, съ большою достовѣрностью, прійти къ заключенію о томъ, что благосостояніе общинниковъ не стало „завиднымъ“ и въ наше время.

Одно время газеты („Новор. Телегр.“ 77 г. № 9 августа) передавали слухъ о переустройствѣ днѣпровскаго лощманскаго общества, согласно съ основными положеніями 19 февраля и положенія Высочайше утвержденного главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія поселянъ-собственниковъ, бывшихъ колонистовъ. При этомъ предполагалось освободить днѣпровскихъ лощмановъ отъ обязательнаго труда, имѣвшагося главнымъ образомъ въ виду при учрежденіи общины. Подобная реорганизація, на нашъ взглядъ, не можетъ, во всякомъ случаѣ, ухудшить ихъ крайне непригляднаго настоящаго. Нѣтъ сомнѣній, что судохозяева будутъ пользоваться услугами опытныхъ лощмановъ, но тогда эти услуги будутъ правильнѣе оцѣнены и трудный заработокъ составитъ собственность того, кому онъ принадлежитъ по праву.